

1883, конец
Женева

Товарищи-социалисты!

Вы знаете уже, что мы, бывш[ие] «чернопередельцы»², составляем теперь новую группу «Освобожден[ие] труда»³. Из брошюры Плеханова – «Социализм и полит[ическая] борьба»⁴, из объявления об издании «Библиот[еки] соврем[енного] социал[изма]»⁵ и из прилагаемой нашей программы⁶. Вы можете узнать, какие изменения произошли в наших воззрениях, какими целями задается теперь наша группа, а также в чем заключаются наши разногласия с группой «Народ[ная] воля»⁷. Хотя все это в указанных произведениях изложено довольно обстоятельно, но я (как и другие мои товарищи) допускаю, что наше выступление [теперь], в качестве новой группы, все же может быть неверно истолковано и вызвать некоторые недоразумения среди лиц, близко к нам стоящих по своим воззрениям и стремлениям⁸. Поэтому, быть может, небесполезно будет изложить, насколько это возможно сделать письменно, обстоятельства и мотивы, побудившие нас выступить самостоятельной группой.

* * *

Когда осенью 1879 г. произошло распадение общества «Земля и воля»⁸ на группы «Нар[одная] в[оля]» и «Черн[ый] пер[едел]», мы, приставшие к последней, верили в возможность⁹ сосредоточения всех революционных сил на деятельности преимущественно среди крестьянства и лишь, между прочим, среди городских рабочих, причем вполне игнорировали вопрос о политической свободе. Народовольцы, [как] Вам известно, задавались обратной целью. Мы тогда думали, что существующая у большинства русского крестьянства общинная форма землевладения, его воззрения на предметы, не составляющие продуктов труда, как на объекты, не могущие составлять ничьей частной собственности (земля, леса, реки и пр.), его привычка к совместному труду (артели, помочи), – все это, думали мы, при благоприятных условиях, может служить социалистическому народнику исходным пунктом для его практической деятельности в народе, – базисом, на котором он может создавать в крестьянстве такие организации, которые, пользуясь существующими в народе требованиями и желаниями, стремились бы сплотить если не весь народ, то значительную часть его. Такие орга-

¹ Этого легко было бы избежать, если бы раньше нашего выступления сюда приехал кто-нибудь [удь] от сочувствующих нам лиц и кружков, чтобы принять участие в наших обсуждениях дальнейших действий, как мы о том просили в письме, посланном нами еще летом. Это лицо, возвратившись в Россию, могло бы изложить мотивы, по которым мы сообщали с ним наши нужные выступления так, а не иначе, он разъяснил бы все то, чего нельзя печатно изложить. Но, к сожалению, на наше письмо не последовало не только приезда уполномоченного из России, но даже коллективного ответа, которого мы тщетно ждали многие месяцы. Может быть, причиной тому была простая случайность или неудачный момент получения нашего письма; как бы то ни было, не видя никакого отклика с родины, мы принуждены были начать так, как нам самим казалось наилучшим и как требовали обстоятельства.

низации, если бы даже не привели к скорой революции, то все же они развивали бы протестующий дух народа, приучали бы его к совместному отстаиванию общих интересов и пр. Но многие, признавая, верили, что, при благоприятных условиях, созданная социалистами-народниками широкая крестьянская организация может, в конце концов, привести к крестьянской революции, более даже успешной, чем были движения Стеньки Разина и Пугачева. Многие допускали, что наш крестьянский мир, освобожденный от внешних стеснений, мог бы, после успешной революции, развиваться в наиболее совершенный социалистический строй под влиянием пропаганды интеллигенции, образцовых примеров и пр. Но вследствие неспособности народа [к] насильственному достижению своих стремлений, при отсутствии в нем всякой способности активного протеста, крестьянские движения, думали мы, мыслимы в том лишь случае, когда революционная интеллигенция возьмет на себя инициативу в их подготовке, когда она, живя в народ[е] и, пользуясь всякими поводами повседневной жизни, создаст там организации, внесет в них революционный дух и сплотит их в одну «сильную армию». Естественно поэтому, что предварительной целью группы «Чер[ный] перед[ел]» должны были стать – агитация среди молодежи и вербовка элементов для этого рода деятельности и затем расселение возможно большого числа людей в деревнях и выработка общего плана действий, необходимого для сплочения разрозненных крестьянских организаций. Надо откровенно признаться, что ко второй части этих задач «Чер[ный] пер[едел]» почти не приступил. Немногие народники, пребывавшие тогда в деревнях, приходили к заключению, что, вследствие всевозможных стеснений, немисливо не только создание там [какой бы то ни было] организации, но даже какая бы то ни было деятельность в народе сводится лишь к прозябанию¹⁰.

К такому выводу начали приходиться все сколько-нибудь дельные народники в конце 70-х годов. Вот почему, отчасти по этой причине¹¹, отчасти – вследствие внешних препятствий (розысков правительства), в 80-м году, насколько мне известно, осталось всего каких-нибудь 3–4 человека из так называемых «стариков». С другой стороны, террористическая борьба, начавшая тогда же заявлять о себе блестящими, громкими фактами, привлекала к себе все больше и больше революционных сил и средств, угрожая поглотить все лучшие¹² элементы передовой интеллигенции. Видя это, не трудно было понять, что будь программа народничества даже верна в основании, то сложившиеся в то время обстоятельства являлись вполне неблагоприятными для народничества, что и в этом случае нужно было бы выждать, пока сколько-нибудь улягутся напряженные преследования и ослабеет террористическая горячка революционной молодежи. Но при более серьезном ознакомлении с социалистическим учением, само народничество, с его надеждами на крестьянскую революцию, с его отрицательным отношением к политической¹³ свободе и [при] полном почти игнорировании городского населения, – предстало пред нами – в чем Вы могли убедиться из брошюры «Соц[иализм] и пол[итическая] борьба»¹⁴ – как направление, задающееся, с одной стороны, несбыточными планами, с другой – не соответствующее современным русским условиям. Что крестьянская революция – в наши времена явление¹⁵ немисливое – в этом, надеюсь, никто более не сомневается. А раз эта цель утопична, то какой смысл в крестьянских организациях и что может дать социалист-революционер в деревне, если допустить, [что] самое пребывание его там мыслимо и если такое стремление существует еще у рус-

ской революционной молодежи? При самых благоприятных условиях наш «народник» должен был бы ограничиваться микроскопической культурной деятельностью, он должен был бы радоваться крохотным паллиативным мерам. Но вся суть в том, что серьезного стремления идти в деревню – надо сознаться – давно уже не существует у русских революционеров. Уже с 75–76 гг. они сперва инстинктивно, потом – сознательно находили невозможным «народничество» как практическое направление, и вся их защита и дебаты о нем объясняются, с одной стороны, неясностью для них современного социалистического учения, с другой – платонической лишь любовью, которую они питали к деревне. «Крестьян в России так много, положение их так плачевно», – рассуждали народники – и теперь, вероятно, еще продолжают – и, в ожидании того счастливого дня, когда им удастся, наконец, отправиться «в народ», сидели, конечно, в городах, где попадали в тюрьмы, ссылку и на каторгу, не успевши окончить своих сборов.

А между тем тут же, под рукой у народника, было чуждое многим предрассудков крестьянина рабочее население, умственный уровень которого настолько высок, что социалисту незачем ни переряжаться, ни прикидываться верующим в бога, почитающим царя и пр., почему деятельность в этой среде не может влиять тяжелым отупляющим образом на интеллигентного человека и не мешает ему продолжать заниматься своим собственным дальнейшим развитием. Но, несмотря на более легкий доступ в рабочую среду и на отзывчивость ее к социалистической пропаганде, эта среда почти совсем игнорировалась нашими народниками ввиду преобладающего [у нас] контингента крестьян и сборов в деревню. Они упускали из виду, что, если бы даже все народники, разбросанные в разных концах России, собрались в одном-двух крупных промышленных центрах, то всех их едва ли оказалось бы достаточным для серьезной деятельности среди уже существующего контингента городских рабочих, число которых изо дня в день увеличивается вследствие увеличивающейся промышленности и всеми признаваемого уже разложения крестьянской общины.

Если бы все эти годы велась сколько-нибудь серьезная пропаганда среди рабочих, если бы создавались там организации, – деятельность революционеров была бы несравненно плодотворнее, чем теперь, результатом ее была бы не одна сотня сознательных социалистов-рабочих.

Насколько ошибочны были наше отрицательное отношение к политической борьбе и наша уверенность в несовместимости ее с социалистическим учением, – в этом Вы также, надеюсь, уже убедились. В брошюре «Социализм и политическая борьба» подробно объяснено происхождение этого ошибочного взгляда и доказано, что современный научный социализм (школа Маркса и Энгельса) не только не исключает политической борьбы, но, наоборот, он прямо ее предполагает. Поэтому скажу только, что под политичес[еской] борьбой мы вовсе не понимаем одно совершение террористических актов, которые могут занимать некоторое место в практической деятельности русских революционеров, что зависит от данных современных условий, но в программу партии как неизменный прием борьбы не должны быть внесены, так как с получением какой бы то ни было политической свободы эти акты не могут и не должны уже совершаться, хотя политическая борьба может и должна впредь вестись, как это [происходит] в Германии, Франции и др. Политическая борьба нам представляется более широкой задачей. Она должна состоять в развитии политического сознания в рабочей среде, в соединении всех оппозиционных элементов страны на ближайших минимальных требованиях и в всесторонней агитации, начиная

от адресов и петиций и кончая демонстрациями и прямым выступлением с оружием в руках на улице. При этом не надо лишь упускать из виду, что такой союз всех недовольных будет временный и что на обязанности социалистов разъяснять рабочему населению, какие действительные улучшения может принести политическая свобода, нисколько не стараясь идеализировать ее.

Почему же, в таком случае¹⁶, не могло состояться наше соединение с «Нар[одной] в[олей]»? Чтобы вполне ответить на этот вопрос, я попробую насколько возможно подробнее рассказать Вам о наших переговорах с ними по этому поводу. Еще в [18]81 году, когда¹⁸ уже¹⁹ ясно сложились у нас вышеизложенные марксистские наши взгляды и когда, судя по некоторым данным, казалось, что и у народовольцев произошла перемена во взглядах в смысле большего, чем прежде, напирания на рабочую среду (издание «Рабочей газеты», заведение там организаций и пр.), у нас завязались с ними переговоры о соединении. Как и теперь, мы и тогда находили крайне вредным для общереволюционного дела дробление сил и средств, а потому готовы были мириться с некоторыми разногласиями. Мы соглашались, как группа, примкнуть к организации «Народной воли», признавая в то же время выгодным удержать ее название, приобретшее большую известность. Подробнее ознакомившись, при переговорах с народовольцами, с их практическими задачами – совершением политического переворота с целью захвата власти, для чего было им необходимо, как они выражались, «собрание сил, где только они представляются» (их слова), – мы указывали им как на утопичность этой цели, так и на могущий произойти от нее сильнейший вред для социалистического дела. Тогда, в начале наших с ними переговоров, т.е. весной прошлого года, они находили наши разногласия несущественными и не могущими препятствовать нашему к ним присоединению. Затем, весной и летом прошлого года произошли обширные аресты в Москве, Питере и в др [угих] гор[одах]. Почти все старики были арестованы, и вопрос о нашем соединении как нами, так и немногими уцелевшими из них был как-то забыт. Но мы, конечно, продолжали помогать «Нар[одной] воле» во всем, в чем только они нуждались и чем мы могли [им] помочь. Наконец, летом настоящего года, ввиду предпринятого ими издания здесь «В[естника] Н[ародной] в[оли]» раньше, чем принять в нем то или другое участие, мы сочли нужным определить наши отношения к организации «Н[ародной] в[оли]» и тем покончить с вопросом о [нашем] присоединении. Но на наше об этом заявление народовольцы ответили, что присоединение целой группой к организации «Н[ародной] в[оли]» не может состояться, так как этого не допускает их устав, – мы можем присоединиться к партии «Нар[одной] воли» только каждый в отдельности²⁰. К тому же, говорили они, ввиду имеющихся у нас с ними разногласий, мы, присоединившись к организации, своим большинством гнули бы в нашу сторону. Для нас, конечно, важно было бы участие в «Нар[одной] воле» в том случае, когда мы так или иначе могли бы влиять на внесение тех или других поправок, изменений как в их теоретической программе, так и в практических их задачах. Но, раз это оказывалось невозможным, для нас пропадал всякий смысл присоединяться к ним в одиночку: считаться в партии «Н[ародной] в[оли]», брать на себя, хотя бы косвенно, ответственность за совершаемые ею промахи и ошибки, не будучи в состоянии влиять на дела организации, конечно, не имеет никакого смысла.

Как видите, нам нельзя было присоединиться к «Н[ародной] в[оле]». С другой стороны, и народовольцы правы, со своей точки зрения, не желая присоединения к их организации людей, во-первых, не разделяющих целиком их воз-

зрений, а, во-вторых, не имеющих за собою ни сил, ни средств, ради которых им стоило бы делать уступки и отступления от пунктов их устава. Если бы народнические кружки чем-либо заявляли о своем существовании¹, если бы у нас имелись серьезные связи с Россией, я думаю, могло бы состояться соединение на разумных и необидных для обеих сторон основаниях. Но теперь это соединение невозможно; из этого, конечно, не следует, чтобы между нами и ими существовали враждебные отношения: наоборот, мы, по крайней мере, будем употреблять все усилия, чтобы не допустить до каких-нибудь неприятных столкновений, как бы нам ни были несимпатичны те или другие поступки народовольцев. Вражда революционных кружков, ослабляя их собственные силы, может принести пользу лишь нашим врагам.

Товарищи! Вы знаете теперь наши взгляды и стремления, вы знаете, что побудило нас выступить в качестве новой группы. От вас теперь зависит наш успех или поражение. Мы, что можем, то готовы и будем делать. Если вы не окажете поддержки нашим литературн[ым] предприятиям, в необходимости которых мне незачем вас убеждать, — нам придется прекратить свое существование как группы. Поэтому, если вы разделяете наши воззрения и стремления, то постарайтесь войти в более тесные сношения с нами, организуйте правильные сборы на литературные наши издания, присылайте всякого рода материалы и пр. Обо всем этом, конечно, лучше всего было бы условиться и сговориться с уполномоченным от вас, которому вы могли бы дать указания, какие поправки и изменения вы находите нужным сделать в нашей программе; какие произведения вы считаете более необходимыми и пр. Мы, конечно, охотно согласились бы со всеми вашими указаниями; раз бы только они клонились к успеху общего дела. Шлем товарищам привет и всевозм[ожные] пожелания.

Евг[ений]²²

РГАСПИ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–16. Черновой автограф и машинописная копия с правкой Л.Г. Дейча. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М., 1925. С. 154–156 (частично); Литературное наследство Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 225–231; Сб. 8. М., 1940. С. 219–226. Публикуется по автографу.

Примечания

¹ В вышедшем в 1925 г. № 3 сборника «Группа "Освобождение труда"» был мною помещен только конец этого моего давнего письма, отправленного из Женевы в Россию без малого столетия тому назад (в 1883 г.). Мне уже не раз приходилось упоминать о том, что при возникновении группы «Освобождение труда» Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод и я обращались «к товарищам в России» с письмами, в которых, сообщая о причинах, побудивших нас выступить в качестве новой группы, мы просили о поддержке. Черновик части такого письма, сохранившийся в архиве Г.В. Плеханова, я и воспроизвел там. Теперь, восемь лет спустя, благодаря произведенному детальному разбору в возникшем недавно в Ленинграде Даме Плеханова всех привезенных туда из Цюриха рукописей, документов и пр., нашлась, наконец, и первая, ровно вдвое большая часть этого давнего моего письма. Не имея под рукой начала этого письма, я раньше предположил, что оно было написано летом, еще до возникновения группы «Освобождение труда», между тем из первой его половины ясно, что оно было написано уже после появления брошюры «Социализм и политическая борьба», а также проекта нашей программы, следовательно, зимой. Повезла это письмо в Россию, вместе с первыми нашими произведениями, Вера Григорьевна Личкус — вдова землевольца Александра Хотинского. — Прим. Л.Г. Дейча к тексту, опубликованному в «Литературном наследстве Г.В. Плеханова».

² «Чернопердельцы» — члены общества «Черный передел (партия социалистов-федералистов)». Возникло в августе–сентябре 1879 г. после раскола общества «Земля и воля». В отличие

от народолюбцев, делали акцент на пропаганде, а не на терроре. Центральный кружок состоял из Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, О.В. Аптекмана, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча и М.Р. Попова. Общество издавало подпольный журнал «Черный передел» и газету для рабочих «Зерно». Периферийные кружки общества действовали в Москве, Харькове, Казани, Перми, Саратове, Самаре и других городах. В начале 1880 г. руководители общества вынуждены были эмигрировать. Организацию возглавляли А.П. Буланов, М.К. Решко, К.Я. Загорский, М.И. Шефтель и др. Была организована новая типография в Минске. Центр общества находился в Москве. Е.Н. Ковальская и Н.П. Щедрин организовали в Киеве «Южнорусский рабочий союз». Аресты 1880–1881 гг. ослабили организацию. Часть оставшихся на свободе чернопеределцев перешли в ряды народолюбцев. К концу 1881 г. «Черный передел» как организация перестал существовать. Отдельные чернопеределческие кружки продолжали действовать до конца 1880-х гг.

³ 13 (25) сентября 1883 г. в Женеве на совещании, в котором участвовали Г.В. и Р.М. Плехановы, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч, В.Н. и И.Н. Игнатовы, было принято решение об образовании социал-демократической группы «Освобождение труда». Как ее первый программный документ было принято Объявление «Об издании Библиотеки современного социализма», написанное Г.В. Плехановым.

⁴ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Женевы, 1883. См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 51–114.

⁵ «Библиотека современного социализма» – серия брошюр, издаваемых группой «Освобождение труда» с 1883 г. В этой серии вышли: «Социализм и политическая борьба» Г.В. Плеханова (1883), «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса (1884), «Наши разногласия» Г.В. Плеханова (1885), «Речь о свободе торговли» К. Маркса (1885), «Ниншета философии» К. Маркса (1886), «Фердинанд Лассаль» Г.В. Плеханова (1887), «Чего хотят социал-демократы» Ж. Гелла и П. Лафарга (1888 г.), «Очерк истории Международного общества рабочих» В.И. Засулич (1889), «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова» Г.В. Плеханова (1889), «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» Г.В. Плеханова (1892), «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса (1892) и «Фр. Энгельс о России» (1894). Полный текст «Объявления "Об издании Библиотеки современного социализма"» см.: Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда». М., 1984. С. 31–33.

⁶ Данный вариант программы группы «Освобождение труда» не сохранился. Известен проект программы 1884 г. См.: Плеханов Г.В. Избран. филос. произв. Т. I. М., 1956. С. 371–376.

⁷ Партия «Народная воля» – централизованная, хорошо законспирированная революционная народническая организация. Руководящим органом ее являлся Исполнительный комитет, в который входили А.Д. Михайлов, А.А. Квятковский, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, М.Ф. Фроленко, Л.А. Тихомиров, А.И. Баранников, М.Н. Ошанин, А.В. Якимов и др. ИК подчинялась сеть местных и специальных групп. Издавала в России газету «Народная воля», а за границей журнал «Вестник "Народной воли"». Организация объединила приверженцев политической борьбы с самодержавием, главным средством которой был террор. Народолюбцами было подготовлено 7 покушений на царя. После свершившегося акта шареубийства 1 марта 1881 г. переживала идейный и организационный кризис. Как организованное целое прекратила существование в 1883 г. Неоднократные попытки возродить организацию в 1883–1889 гг. не увенчались успехом.

⁸ Общество «Земля и воля» – революционная народническая организация, действовавшая в России в 1876–1879 гг. В августе 1879 г. раскололась на «Народную волю» и «Черный передел».

⁹ Вариант текста: «стояли за необходимость».

¹⁰ Вариант текста: «кое-какому ознакомлению с крестьянской средой, но что, при этом, среда эта с ее воззрениями и интересами крайне тягостна интеллигентному человеку, короче, что жизнь в народе, раз невозможны революционные организации, это не деятельность, а прозябание».

¹¹ Вариант текста: «под влиянием неудовлетворенности простым сидением в деревне».

¹² Вариант текста: «сколько-нибудь деятельные».

¹³ Первоначально в тексте было слово «борьбе», вычеркнутое автором.

¹⁴ Выше упоминавшаяся брошюра «Социализм и политическая борьба».

¹⁵ Первоначально в тексте было слово «борьбе», вычеркнутое автором.

¹⁶ Автором вычеркнуты слова: «быть может, спросят некоторые».

¹⁷ Репрессии, обрушившиеся на революционеров после 1 марта 1881 г., обескровили обе фракции – «Народную волю» и «Черный передел». В этих условиях П.Л. Лавров выступил с инициативой создать единую социалистическую «партию» в России. Осенью 1881 г. объединительный процесс начался на практике. Отдельные шаги навстречу друг другу сменялись отступлениями на-

зад, вызванными как принципиальными разногласиями, так и чисто субъективными факторами. На рубеже 1882–1883 гг. дело дошло лишь до совместной работы над изданием журнала «Вестник "Народной воли"» за рубежом. Однако и этот проект в полной мере осуществлен не был.

¹⁸ Отсюда начинается текст, опубликованный Л.Г. Дейчем в 1925 г. в 3-м сборнике «Группа "Освобождение труда"».

¹⁹ Автором вычеркнуто слово: «окончательно».

²⁰ В августе 1883 г. Л.А. Тихомиров и М.Н. Опанина, ведшие за рубежом от имени «Народной воли» переговоры с группой Г.В. Плеханова о соединении, заявили, в противоречие со своими прежними обещаниями, что вопрос о вступлении в «Народную волю» может рассматриваться только индивидуально для каждого, но ни в коем случае – о вступлении «плехановцев» группой. Тогда же Тихомиров выступил решительно против включения Плеханова в редакцию «Вестника "Народной воли"».

²¹ Из этого явствует, что даже после возникновения группы «Освобождение труда» мы все еще признавали наиболее близкими нам народнические кружки. – Прим. Л.Г. Дейча.

²² Конспиративное имя Л.Г. Дейча.

2

П.Б. Аксельрод – Товарищам в Россию («О задачах научно-социалистической литературы»)

1883, конец
Цюрих

Товарищи!

Желая содействовать группе «Освобождение труда» в осуществлении принятого ею издания «Библиотеки современного социализма»², вы находите полезным иметь в своем распоряжении более или менее подробные разъяснения, хотя бы только письменные, относительно цели и значения подобного предприятия в настоящий момент. В пользу своего предложения вы ссылаетесь на равнодушные одних к такого рода предприятиям, на сомнения и расспросы других относительно их практического смысла. Признаюсь, с тяжелым чувством принимаю я за исполнение вашего желания. В самом деле, не заключается ли печальное предзнаменование для ближайшей судьбы нашего социалистического движения в самом факте необходимости разъяснить нашим так называемым «социалистам» подобные вещи? В результате стольких жертв и геройских усилий революционной партии в ее рядах оказывается такой идейный упадок, что не только понимание социализма (никогда, впрочем, не стоявшее у нас высоко), но даже сознание важности такого понимания, самая потребность в нем все более и более исчезают у нашей так называемой «социалистической интеллигенции». То, что составляет насущную потребность для всякого европейского рабочего-социалиста, то, что кажется ему само собой подразумевающимся, требует долгих предварительных разъяснений для нашей интеллигенции!

Немецкие социалисты имеют внутри страны газеты и даже месячные, весьма дельные, обозрения. И все-таки они еще издают за границей специальный орган партии – несмотря на всевозможные бесчисленные провалы на границе при распространении «S[ocial]-D[emokrat]»³ внутри Германии. Что же побуждает их бедняков-рабочих тратить свои гроши и рисковать положением своим и своих семей для такой роскоши? Глубокое сознание важности для социально-политического развития выражать свои идеи и стремления в возможно более

резкой принципиальной и систематической форме. Но и такой орган им кажется недостаточным для вполне последовательной разработки и пропаганды социально-политических тенденций и идей социализма. Поэтому они за границей издают постоянно брошюры и книги, которые, опять-таки, приходится перевозить тайно и распространять тайно. Наша же «социалистическая» *интеллигенция*, которая, кажется, особенно должна бы дорожить своим идейным развитием, с некоторым недоумением почесывает затылок, когда заходит речь о пересмотре и пополнении умственного багажа, составляющего необходимое орудие борьбы для всякой прогрессивной партии, а тем более социалистической.

В этой разнице между отношением западноевропейской *рабочей* интеллигенции и русской социалистической интеллигенции к разработке и пропаганде социализма отражается, по-моему, и разница их культурного уровня и разница классовых инстинктов одной и другой. Культурный человек отличается от дикаря, между прочим, тем, что первый, обыкновенно, из-за интересов минуты не упускает из виду интересы будущего. Чем человек развитее, тем он более способен переноситься в положение других и возвышаться не только над своими узкоэгоистическими интересами, но и над интересами минуты окружающей среды. Вот почему благороднейшие представители высших сословий успели во все времена отказываться от узких, грубо-материалистических тенденций и предрассудков своей среды и становились борцами за угнетенные классы. Поэтому же, с другой стороны, и угнетенные классы, по мере своего культурного социально-политического развития, руководствуются в своей борьбе не только своими узкоклассовыми интересами, но и общечеловеческими, не только узкими соображениями об облегчении своей участи на сегодня, но прежде всего соображениями о проложении путей к всестороннему развитию условий интеллектуального, экономического и политического прогресса. Возвращаясь к рабочей интеллигенции Западной Европы, мы видим, что, агитируя во главе рабочих масс во имя частных улучшений и повседневных вопросов, они ни на минуту, даже при самых трудных обстоятельствах, не теряют из виду основные интересы социализма и условия существования его, хотя бы и не в близком будущем.

Как раз обратное мы видим в нашей интеллигенции: она вечно переходит от одного приема борьбы к другому, из-за вопросов минуты готова забыть окончательно цель движения. Ради *одного* какого-нибудь приема, особенно благоприятного данным моментом, она забывает все те пути, вне которых – не говорю: торжество социализма, хотя бы в далеком будущем, но и обеспечение истинно демократической конституции не мыслимо. Начав с «хождения в народ» без особенного почти плана (что вполне простительно на таком новом пути), она мало-помалу почти совершенно оставила его или, по крайней мере, сильно охладела к этому делу. Провозгласив себя поборниками интернационального социализма, наши революционеры постепенно дошли до славянофильского народничества, развившегося, с одной стороны, в форме «чернопеределчества» и – с другой – «народовольчества». И, в довершение всего, потеряли всякое сознание важности серьезного ознакомления с научными основаниями и развитием социалистического миросозерцания и хотя бы только *теоретической* пропаганды его принципов и вытекающих из него практических путей. Это очень характерно для нашей интеллигенции. Этот процесс ее превращения показывает, что такие вещи, как выработка хотя бы передовых групп среди городских рабочих, с ясным социально-политическим миросозерцанием, в глубине души

ее очень мало интересует. Вполне естественно поэтому ее равнодушие к литературной разработке и пропаганде того учения (социализма), которое представляет собой научное выражение интересов и инстинктивных стремлений рабочих масс. И замечательно, что в то время, как революционные представители интеллигенции некоторых городов доказывали в 1879 г.⁴, что время пропаганды социализма среди рабочих прошло, что, ввиду преследований, книжек читать они не будут, в это самое время остатки разгромленных рабочих кружков жаловались на индифферентизм интеллигенции к их интересам и их умственному развитию, на отсутствие брошюр и книжек для рабочих и т.д. И через несколько дней после повешения матроса Логовенко, рабочие в Одессе, как пряники, расхватывали привезенные из-за границы книжки, а за недостатком последних наша народившаяся рабочая интеллигенция вынуждена была удовлетворяться гектографированными записками, программами и т.д., в которых рабочим разъяснялись идеи социализма и связь его с политической свободой.

Как только у нас народился интеллигентный элемент среди рабочих, так он тотчас же начал проявлять свой интерес к саморазвитию, умственному и политическому. Наша же революционная интеллигенция, имеющая в своем распоряжении хоть легальную, но все-таки обширную литературу, находила, что для рабочих такие вещи только излишняя роскошь. Индифферентная к делу социалистического воспитания передовых элементов рабочего класса, она, естественно, индифферентна и к своей собственной социалистической выработке, так как последняя может иметь для нас значение постольку, поскольку мы заинтересованы в подготовке рабочего класса к сознательной социально-политической деятельности.

Невольно припоминается отношение революционной интеллигенции Германии к этому же делу в 40-х гг. Марксу приходилось обращаться к русским за денежной поддержкой для напечатания своей знаменитой «*Misere de la philosophie*»⁵, и ему приходилось воевать с грубым эмпиризмом большинства тогдашних революционеров, из которых некоторые находили, что он чуть ли не развращает рабочих. Но он отличался от них только тем, что, прекрасно сознавая необходимость борьбы с абсолютизмом, он в то же время считал обязанностью своих революционных собратьев не терять из виду «интересов будущего», т.е. подготовку *демократической* интеллигенции и лучших рабочих к сознательному участию в предстоящем политическом движении. Будущее показало, насколько плодотворны были работы Маркса, Энгельса, Фил[иппа] Беккера, Морица Гесса, – германская социальная демократия есть их умственное детище. Масса же тогдашней демократической интеллигенции Германии, как и следовало ожидать, оказалась впоследствии, в своем громадном большинстве, в ряду их либеральных и даже национал-либеральных противников социализма и пролетариата.

Вы, конечно, удивитесь тому, что я так далеко уклонился от настоящего предмета письма. Но это случилось частью невольно, под влиянием моего пессимистического настроения по отношению к нашей так называемой «социалистической» молодежи, частью, чтобы показать вам, насколько для меня трудно выполнить ваше желание. Заметьте, вам приходится выслушивать сомнения и вопросы не только относительно успеха издания и т.д., но и относительно его *raison d'être*⁶ в самом принципе. Но есть ли вероятность, чтобы элементы, которые в 1883 г. ставят вопросительный знак перед делом организации – рядом с борьбой против абсолютизма, путем систематической пропаганды современ-

ного социализма, есть ли, говорю я, вероятность, чтобы подобные элементы изменили свое мнение под влиянием нескольких письменных разъяснений? Признаюсь, моя энергия пасует перед такой едва ли не сизифовой работой. Впрочем, все вышесказанное мной, хотя и косвенно, относится к сущности вопроса. Попытаюсь, однако, еще специально в немногих пунктах резюмировать наиболее существенные соображения в пользу настоятельности такого литературного предприятия, как «Библиотека современного социализма»⁷.

I. Мы живем накануне серьезного политического переворота в России. Социалистической интеллигенции придется выступить открыто в прессе, на собраниях, быть может, в парламенте. С чем она выступит? У нее нет никаких твердых точек опоры в ее социально-политических мировоззрениях, нет строго продуманного критерия для оценки окружающих явлений, для понимания реальных требований данной минуты и связи их с условиями дальнейшего развития России вообще и народной партии – в частности. Для того, чтобы сколько-нибудь подготовиться к этому моменту, социалистическим элементам крайне необходимо теперь же серьезно приняться за систематическое выяснение основных понятий современного социализма об общих законах исторического развития, об условиях экономического, социально-политического и умственного прогресса. И в то же время необходимо, руководясь этими же понятиями, подвергнуть беспощадному и всестороннему пересмотру все прошлое и настоящее русских революционеров – их отношение к партиям и элементам русской жизни и особенности самих этих элементов.

II. Прогрессивная роль революционных элементов тем значительнее, чем яснее они умеют отличить *возможное* для осуществления в данную минуту от их окончательной цели, время осуществления которой зависит не столько от доброй воли нескольких самоотверженных друзей народа, сколько от объективных условий развития человечества. Но это умение соразмерять свои *практические* [приемы] с условиями органического развития и с собственными наличными силами русские революционеры могут приобрести, прежде всего, путем ясного сознания ими общих *законов* исторического развития, насколько они выяснены современной социалистической наукой, свободной от всяких иллюзий и утопий. Интенсивность и форма борьбы революционных партий обуславливаются, конечно, в значительной мере характером угнетающей силы и способами ее противодействия революционным стремлениям. Но несомненно также и то, что общий характер освободительного движения и его исторического значения в смысле прогресса находятся в прямой зависимости от степени социально-политического развития угнетенной массы и передовых застрельщиков на поле борьбы за ее интересы.

Я не стану пускаться здесь в дальнейшее развитие этой мысли. Достаточно сравнить средневековые народные движения, современное ирландское движение⁷, отличающееся таким грубо-националистическим характером, и такого рода проявления народного недовольства, как антиеврейские беспорядки в России⁸ и Венгрии; достаточно сравнить все эти движения с новейшими революци-

⁷ О воззрениях ее издателей я здесь касаться не буду, так как обстоятельное изложение их не мыслимо в одном письме, да это и излишне было бы, явнуд появления брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», [где] воззрения группы «Освобод[ение] труда» изложены с чрезвычайной ясностью. Кроме того, в предисловиях к брошюрам «Манифест коммунистической партии» и «Наемный труд и капитал» основная точка зрения также намечена в общих чертах.

онными движениями Франции и социально-демократическими Германии, чтобы заметить громадную разницу между освободительными усилиями масс, направляемых социалистически развитым меньшинством, и такими же усилиями угнетенных слоев без широкой принципиальной подкладки.

Некоторые объясняют все ужасы первой французской революции захватом диктатуры представителями якобинского централизма⁹. Объяснение это, по-нашему, довольно поверхностно. Помимо обстоятельств борьбы революционной Франции против общеевропейской коалиции реакционеров¹⁰, главной причиной, породившей как якобинскую диктатуру, так и тогдашнюю систему террора, послужило страшное противоречие, существовавшее в эпоху первой революции, между *стремлениями* лучших демократов того времени, с одной стороны, и экономическим развитием Франции с соответствовавшими ему социалистическими тенденциями низших классов, с другой стороны. Наиболее искренние демократы смутно чувствовали, что революция идет не к установлению братства и равенства, о которых они мечтали; им казалось, что своей личной энергией и чрезвычайными средствами им удастся доставить немедленное торжество своим идеалам. А между тем, в сущности, в их собственных идеалах заключались начала, в корне противоположные тому царству всеобщего братства, к которому они стремились. И наперекор всей чрезвычайности их средств или, вернее, благодаря им, крайние демократы 1793–1794 гг. работали бессознательно прежде всего на пользу буржуазии и императорства¹¹. Тогдашний уровень социологических знаний и, в частности, развития истинно демократического мирозерцания (что зависело от чисто объективных условий) препятствовали крайним демократам видеть громадное противоречие между их радикальными тенденциями и господствовавшими в их собственной среде социально-экономическими воззрениями. Они не видели, что их социально-политическая программа внутренне противоречива, они не сознавали, что время господства крайней демократии тогда еще не настало, что она еще не достигла той ступени развития, на которой какая-нибудь социальная группа может по праву и с некоторым успехом овладеть монополией управления всеми делами страны. Всякая крайняя партия, очутившаяся, благодаря каким-нибудь временным обстоятельствам, в подобном положении, неизбежно должна прибегнуть к чрезвычайным средствам, вроде личной диктатуры своих вождей, чтобы как-нибудь удержаться на вершине власти. А раз вопрос об устройстве человеческого блага перешел в исключительное ведение малочисленной группы идеологов-властителей, попытки решения его должны неизбежно сопровождаться такими ошибками, которые необходимо влекут за собой не только поражение этого идеологического меньшинства, но и компрометацию всей их партии и самого знамени его. Возвращаясь, однако, к нашему вопросу.

Если судить по антиеврейским беспорядкам, с одной стороны, и по различным проявлениям воззрений на нашу деятельность нашей революционной интеллигенции, между прочим, и по отношению к еврейским беспорядкам, с другой стороны, едва ли можно возлагать особенно розовые надежды на социально-политическую роль наших демократических слоев в ближайший к нам момент широкого политического движения. Возможно разграничить *minimum* или, если угодно, *maximum* осуществимых теперь практических требований от основных стремлений революционной демократий, – концентрация ее сил на борьбе за эти требования и на заложение прочной основы истинно народной партии, – таков, как мне кажется, предел того, что могут социалистиче-

ские элементы взять на свои плечи при настоящем состоянии своей силы. Но где искать высший критерий для более или менее точного определения наших принципиальных или практических задач? Критерий этот может заключаться, прежде всего, в учениях современного социализма. Я не хочу этим сказать, что он безусловно гарантирует нас от всяких бесплодных попыток, от грубых ошибок и промахов. При настоящем состоянии социалистических знаний никакая доктрина не может во всех частностях предохранять нас от ложных шагов. Но современный социализм, как совокупность понятий и воззрений, основанных на тщательном анализе исторического процесса развития человечества, заключает в себе указания и на современную русскую жизнь, и на преобладающую тенденцию ее социально-экономических сил; так как наша современность представляет собой уже пройденную передовыми народами фазу развития, то не от всевозможных ошибок и крайностей могут предохранить нас учения научного социализма, но они предохранят от очень многих и очень важных. Только партия, вполне усвоившая точку зрения современного социализма, сумеет возвыситься до такого ясного сознания своих основных тенденций и условий их осуществления, что не станет преждевременно брать на свои плечи задачу, далеко превышающую его силы и, ради немедленного достижения ее, пускаться на непозволительные компромиссы не только с враждебными народу элементами, но и с самой народной массой, когда она выступает как реакционная сила.

Только революционная партия, с ясным пониманием сущности научно-социалистического мирозерцания и его отношения к русской общественности, сумеет выбрать путь наиболее целесообразный для параллельного преследования *тахитит*'а осуществимых при теперешнем положении вещей требований и подготовки сознательных элементов для осуществления основных задач социализма.

III. С этой точки зрения дело организации систематической пропаганды научного социализма, в связи с задачами и стремлениями русских революционеров, является теперь крайне насущным как необходимое средство для приготовления такого социально-революционного элемента, который своевременно мог бы выступить с определенной, строго последовательной программой как принципиальной, так и практической. Вооруженный определенной системой идей и ясным пониманием положения вещей, такой элемент оказался бы чрезвычайно полезным социальным фактором, если не как руководитель большинства крестьянских масс, то, по крайней мере, демократической интеллигенции и городских рабочих. Трудно рассчитывать на то, чтобы в ближайшем к нам общественном движении такая социалистическая партия могла приобрести влияние среди народных масс. Но уже чрезвычайно важно было бы приобретение такого влияния хотя бы только среди демократической интеллигенции и низших классов в городах. Из этих центров влияние ее хоть косвенным путем распространилось бы до некоторой степени и на крестьянскую среду, направляя ее на более или менее целесообразные пути при отстаивании своих интересов.

IV. Допустим, что и эти сравнительно умеренные надежды окажутся неосуществимыми в ближайшие годы. И это весьма вероятно ввиду все большего и большего выступления буржуазных инстинктов и стремлений нашей интеллигенции, для которой социально-политическое развитие рабочих и собственная социалистическая выработка все более и более отходят на задний план. Признавая крайне вероятным, что нам теперь уже не удастся подготовить к предстоя-

шему моменту падения абсолютизма очень влиятельную социалистическую партию¹², я все же нахожу настолько плодотворным дело, затеянное группой «Освобождение труда», что считаю прямой обязанностью искренних и сознательных социалистов всеми силами поддерживать ее. Прежде всего, очевидно, что для достижения когда-нибудь высших или даже средних ступеней влияния в обществе необходимо же когда-нибудь взобраться на первую ступень, преодолеть первые шаги на пути к приобретению значения руководящего фактора страны. Первым же условием для приобретения русскими революционерами когда-нибудь серьезного влияния на народные массы является, очевидно, помимо энергии и героического самопожертвования, ясное понимание ими самими теоретических основ современного социализма и своих практических задач в России как элементов, стремящихся к достижению идеалов социализма. Поднятие социально-политического сознания собственных передовых рядов до возможно высокой ступени развития – таков первый необходимый шаг, который должны преодолеть социалистически настроенные элементы наших революционеров, чтобы проложить себе дорогу к выдающейся роли в нашей общественной жизни.

С этой точки зрения едва ли возможно сомневаться в настоятельной необходимости организации литературной пропаганды социалистических идей по плану «Библиотеки современного социализма», если бы даже непосредственным результатом этой пропаганды в течение 3–4 лет было только образование контингента в 300–400 человек, более или менее серьезных, усвоивших социалистическое мировоззрение в его современной научной форме. Где же это видано, чтобы искренние и сознательные представители какой-нибудь общественной идеи складывали хоть на время руки в деле ее развития и пропаганды, раз у них нет осязательных шансов на завоевание ей к желательному ими моменту выдающейся роли в социально-политической жизни?

А раз мы признаем важность выработки последовательного социалистического мировоззрения, хотя бы только в меньшинстве наиболее демократической интеллигенции и передовых единицах рабочего класса, для образования у нас истинно народно-революционной партии в будущем, мы необходимо должны признать и своевременность такого предприятия, как «Библиотека современного социализма».

При некоторых, но очень больших, усилиях в Россию возможно будет доставлять разными способами если не тысячами, то по несколько сот экземпляров каждой брошюры или сборника. Таким образом, как развитые рабочие, так и социалистическая часть нашей привилегированной молодежи нашли бы в своем распоряжении материал для собственной теоретической выработки в духе современного социализма и в некотором смысле руководства в своей пропагандистской деятельности. Кроме того, не мешало бы иметь в виду и заграничную русскую публику, – студенчество и эмиграцию, – возрастающую чуть не и изо дня в день¹³. Хотя молодежь, пребывающая за границей, и не отделена китайской стеной, как на родине, от социалистического движения и литературы Запада, но она, однако, фактически, благодаря своим специальным занятиям, не имеет возможности по первоисточникам знакомиться с сущностью и ходом этого движения и его теоретической подкладкой. И для нее свод идей, понятий и фактов, составляющих основу и содержание социально-революционного движения Запада, в более или менее обработанном виде, в форме брошюр и статей, очень необходим как наиболее доступное средство для пополнения ее теорети-

ческого развития по вопросам социализма. Нужно ли еще доказывать, что и заграничный русский элемент, состоящий из многих сотен лиц, следует принять в расчет при обсуждении вопроса об организации систематической пропаганды, путем литературы, социализма? Такой вопрос казался бы просто странным для большинства французских или германских социалистов-революционеров. У нас же придется еще, вероятно, доказывать, что ведь масса наших добровольных и недобровольных изгнанников только временные гости за границей и что, при некоторой внутренней поддержке извне, многие из них вернутся на родину весьма ценными силами для нашего революционного движения.

Пора, однако, закончить свое уж чересчур растянувшееся послание. Прибавлю только ко всему вышесказанному еще одно, вероятно, очень странное для русского человека соображение в пользу «Библиотеки современного социализма». Она могла бы послужить почвою для выработки более или менее численно значительной литературной группы из сотрудников в России и за границей, группы, вполне слившейся по всем вопросам теории и практики социализма. А такая литературная группа, с несколькими сотнями солидарных с ней по направлению лиц, оказалась бы, в предстоящий момент широкого общественного движения у нас, ценной силой как умственный центр социалистически подготовленного ядра демократических элементов.

Таков *minimum* ожидаемых мною результатов от осуществления, при серьезной поддержке из России, предприятия группы «Освобождение труда». Откровенно сознаюсь, однако, что внутренне я ожидаю более значительных результатов. Кто знаком с историей образования политических партий, тот знает, какую силу может представить из себя в момент свободного общественного брожения группа в три – четыре сотни социально-политически развитых лиц, связанных между собой единством воззрений и солидарным с ним литературным персоналом. Непосредственное влияние этой группы может проявиться гораздо быстрее и значительнее, чем это может казаться теперь.

В заключение обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство. Крайний демократизм нашей интеллигенции обуславливается в значительной мере тем гнетом, который лично ей приходится выносить под давлением абсолютизма. По всей вероятности, ее демократические симпатии явно улетучатся после падения абсолютизма, как это случилось с ней в Западной Европе. Удержать твердо значительную часть ее на почве теперешних ее социалистических тенденций возможно было бы только путем усиленной пропаганды теперь в ее среде учений научного социализма, потому что люди привилегированной среды могут в большинстве случаев серьезно предаться интересам народа только под влиянием усилий мысли и теоретических доводов. Но самая склонность ума работать в этом направлении, предрасположенность его, так сказать, к восприятию крайних демократических доктрин зависит от внешних обстоятельств. И в этом отношении теперешние обстоятельства, конечно, гораздо благоприятнее тех, какие настанут после избавления России от гнета абсолютной монархии. Вот почему я думаю, что именно теперь (а не после) следует употребить все усилия на организацию систематической пропаганды социализма в нашей интеллигентной молодежи. Упустить этот момент – значит совершить непростительную и едва ли поправимую ошибку. И это будет одна из тех ошибок в жизни общественных партий, за которые им приходится жестоко расплачиваться перед неумолимым судом истории.

Письмо к товарищам. [М., 1884]. Гектограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М.; Л., 1924. С. 88–102. Автограф не обнаружен. Публикуется по тексту брошюры.

Примечания

¹ Сразу после образования в сентябре 1883 г. группы «Освобождение труда» ее члены предприняли попытки завоевать на свою сторону революционные кружки в России, объяснив им необходимость разрыва с народолюбцами. С этой целью на родину был отправлен ряд писем. В этом ряду известно письмо Л.Г. Дейча к товарищам (см. док. 1). Со схожим посланием в Россию обратился и П.Б. Аксельрод. «Письмо» Аксельрода было размножено на гектографе московским «Обществом переводчиков и издателей», в текст было предпослано следующее предисловие:

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Публикуемое нами «Письмо к товарищам» имеет совершенно частный характер и насколько не предназначалось автором его для опубликования. Публикуя его, мы руководствуемся следующими соображениями.

Много кружков и лиц на Руси, придерживающихся того взгляда, что нам, русским социалистам-революционерам, следует на время оставить всякую мысль о социализме, ибо история выдвинула для нас на первый план борьбу за политическую свободу. «Направляя все свои силы исключительно на борьбу с абсолютизмом, — говорят они, — лишь в этом случае нам удастся низвергнуть его и добиться таких политических условий, при которых нам возможно будет вести социалистическую борьбу». «Мы охотно, — прибавляют они, — позволили бы себе, "как роскоши", и социалистическую литературу — ведь мы по основным своим убеждениям социалисты, — но так как мы не имеем в своем распоряжении ни богатств Креза, ни армии Наполеона I, то вынуждены тратить свои силы по возможности производительней».

Мы надеемся, что публикуемое нами письмо если не убедит совершенно подобные кружки и лица в несостоятельности их взглядов, то, по крайней мере, заставит их задуматься о том, в каком именно случае мы как социалисты, хотя бы только «по основным своим убеждениям», тратили бы свои силы и средства производительнее.

К величайшей нашей радости, некоторые кружки сами сознали в последнее время всю необходимость серьезной социалистической литературы, доказательством чему может послужить появление литографированных статей Энгельса и Ланге, литографированной брошюры «Социализм и политическая борьба» Плеханова и т.п. Для этих-то кружков мы больше всего и публикуем это письмо. Оно укрепит в них зародившуюся мысль о необходимости, как для нашей революционной молодежи, так и для более интеллигентных рабочих, серьезной социально-политической подготовки, что, в свою очередь, обуславливает собою необходимость создания такой литературы, которая могла бы дать им эту подготовку: «Библиотека современного социализма» есть, по нашему мнению, именно такая литература, и мы надеемся, что вышеупомянутые кружки поспешат со своей поддержкой навстречу этому весьма и весьма полезному предприятию.

В заключение прибавим следующее: автор «Письма к товарищам» говорит в одном месте, что при некоторых условиях можно доставлять в Россию если не тысячи, то сотни экземпляров каждой брошюры. Мы со своей стороны можем прибавить, что это не предположение со стороны автора письма: усилия эти, как нам известно, уже сделаны, и есть возможность доставлять в Россию довольно часто сотни две-три брошюрки.

В конце «письма» мы помещаем список книг, имеющихся в складе группы «Освобождение труда».

Москва
январь 1884 г.

Издатели.

«Общество переводчиков и издателей» действовало в Москве с осени 1882 по май 1884 г. Оно состояло в основном из студентов Московского университета и занималось изданием и распространением русской и зарубежной социалистической литературы. Активными его деятелями были В.Т. Распошин, П.А. Аргунов, И.Ю. Ворожейкин, П.В. Соколов и др. Они имели связи с группой «Освобождение труда», польской группой «Пролетариат», с заграничным центром «Народной воли» и с группой Д. Благоева. «Общество» издавало произведения К. Маркса и

Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии»; сборники «Социалистическое знание» (Т. 1–3); работы В. Либкнехта, Г.В. Плеханова, П.Л. Лаврова, Л. Блана, Е. Дюринга, Ф. Лассалля. Литература печаталась в типографии Н.А. Янковской. В мае 1884 г. «Общество» было разгромлено полицией.

² См. прим. 4 к док. 1.

³ Напомним, что ввиду действовавшего в то время в Германии «закона против социалистов», последние были вынуждены печатать свои произведения за границей (сначала в Цюрихе, затем в Лондоне) и нелегально перевозить и распространять их в стране; центральный орган их «Social-democrat» также там печатался. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁴ Очевидно имеется в виду съезд землевольцев-политиков в июне 1879 г. в Липецке.

⁵ Речь идет о переводе В.И. Засулич одного из первых произведений зрелого марксизма (1847). См.: Маркс К. Нищета философии: Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / С предисл. и прим. Ф. Энгельса. Женева, 1886.

⁶ Смысл существования (фр.).

⁷ В центре политической жизни Ирландии 1880-х гг. была борьба за самоуправление в рамках Британской империи. При этом часть партии гомрулеров (сторонников автономии), напуганная размахом крестьянского движения, отошла от политической деятельности и сосредоточила свои усилия на культурно-просветительской деятельности.

⁸ Речь идет о еврейских погромах на Юге России весной 1881 г. и весной 1882 г. Народовольцы первоначально рассматривали погромы как начало широкого народного движения. П.Б. Аксельрод решительно выступал против такой оценки. Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 65–68, 118–119, 131, 405–419.

⁹ Якобинская диктатура – апогей Великой французской революции (июнь 1793 – июль 1794 г.). Была установлена в результате народного восстания, приведшего к власти якобинцев (крайне левая политическая группировка, члены Якобинского клуба). В борьбе с политическими противниками якобинцы установили в стране систему террора.

¹⁰ С весны 1792 г. начались войны коалиции европейских государств против революционной Франции. В коалицию входили Австрия, Пруссия, Сардинское королевство, Англия, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство и др. Первоначально французская армия в результате предательства части командного состава терпела поражения. Интервенты были остановлены революционными французскими войсками при Вальми в сентябре 1792 г. В первой половине 1793 г. французская армия вновь терпела поражения. Ее новые успехи были связаны с якобинской диктатурой.

¹¹ Имеются в виду якобинцы.

¹² Как видим, несмотря на свой скептицизм, П.Б. Аксельрод все же очень оптимистически смотрел на тогдашнее политическое положение: ему, очевидно, представлялось, что в ближайшем будущем наша страна добьется политической свободы. – Прим. Л.Г. Дейча.

¹³ Обращаю внимание, что это сообщение Аксельрода показывает, насколько мы были правы, когда при основании нашей группы рассчитывали на предстоящее увеличение контингента эмигрантов, о чем я сообщил в статье «Первые шаги группы "Освобождение труда"», в сборнике № 1. – Прим. Л.Г. Дейча.

1884

3

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1884, 28 мая (9 июня)

С.-Петербург

Дом предварительного заключения¹

Милая, дорогая моя Саша!²

Только на днях получил позволение ответить тебе³ (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «закон-